

УДК 327.39

ПАРАМЕТРЫ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1992–2009 ГГ.)

Пашковский Петр Игоревич,

канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук
и международных отношений, Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия
petr.pash@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается методика определения параметров интеграционной активности России в отношении государств Центральной Азии в период 1992–2009 гг. Охарактеризована специфика современных интеграционных процессов. Дано определение понятия интеграционной политики. Представлены составленные автором таблицы, которые демонстрируют динамику внешнеполитических контактов между представителями разных уровней власти РФ и государств Центральной Азии (Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана, Таджикистана). Показано, что в качестве параметров российской интеграционной политики относительно стран региона можно использовать соотношение данных динамики их внешнеполитических контактов на разных уровнях представительства с данными внешнеторгового оборота между ними. На основе применения авторской методики выявления параметров интеграционной политики России были сделаны выводы, касающиеся ее специфики в отношении государств региона в обозначенный период.

Ключевые слова: интеграционная политика; Россия; параметры; Центральная Азия; Казахстан; Узбекистан; Кыргызстан; Туркменистан; Таджикистан.

PARAMETERS OF RUSSIAN INTEGRATION POLICY TOWARDS CENTRAL ASIAN STATES (1992–2009)

Pashkovsky P.I.,

Ph.D of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Sciences and International Relations,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russia
petr.pash@yandex.ru

Abstract. Technique of determining the parameters of Russian integration activity towards Central Asian States (1992–2009) has been described. The specific of modern integration process has been characterized. The author has drawn up tables which demonstrate the dynamics of foreign political contacts between representatives of different levels of the official authorities of the Russian Federation and Central Asian countries (Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan). It was shown that as the parameters of Russian integration policy regarding the countries of the region is possible to use the ratio of data dynamics of foreign political contacts at different levels of representation with the foreign trade data between them. On the basis of the application of the author's technique of revealing of Russian integration policy parameters have been made findings relating to its specificity regarding states of the region in this period.

Keywords: integration policy; Russia; parameters; Central Asia; Kazakhstan; Uzbekistan; Kyrgyzstan; Turkmenistan; Tajikistan.

В современных международно-политических исследованиях Центральная Азия характеризуется как регион, от ситуации в котором во многом зависит соотношение сил в Евразии [1, 2]. Особое значение имеет сосредоточение здесь углеводородных ресурсов и путей их транспортировки. Эти и другие обстоятельства способствовали пересечению в регионе интересов глобальных и региональных акторов, среди которых выделяются Россия, США, Китай, Индия и Пакистан [3].

Различные аспекты центральноазиатского направления внешней политики РФ рассматриваются отечественными учеными (А. Власовым, И. Звягельской, А. Казанцевым, А. Князевым, В. Козиным и др.) и западными экспертами (З. Бжезинским, С. Бланком, Е. Вишник, Г. Киссинджером, и др.). При этом вопросы, связанные с измерением интенсивности и эффективности российской интеграционной политики в направлении государств региона, остаются недостаточно изученными, что актуализирует их дальнейшее исследование [4, 5]. Целью данной статьи является характеристика методики определения параметров интеграционной политики России относительно Центральной Азии в период 1992–2009 гг.

Хронологические рамки исследования связаны с политическими процессами 1992–2009 гг., где нижний рубеж обусловлен дезинтеграцией СССР, образованием постсоветского пространства и началом формирования интеграционной политики РФ в отношении новых независимых государств. Верхний рубеж определяется усилением международной конкуренции на постсоветском пространстве, влиянием глобального финансово-экономического кризиса, формированием и реализацией новых подходов в интеграционной политике России.

В контексте заявленной проблематики важно отметить, что, поскольку современные интеграционные процессы характеризуются преимущественно эволюцией структур по схеме от экономического объединения к политическому союзу, то, собственно, интеграция приобретает форму процесса сближения уровней социально-экономического развития государств в рамках создаваемых объединений [6–7]. Эффективность формирований интеграционного типа (в отличие от других разновидностей межгосударственных союзов) определяется, главным образом, степенью развития политической гомогенности и аксио-

логической составляющей в плане стабильности политических систем и однородности механизмов принятия решений, а также экономическими факторами [8].

Что касается понятия интеграционной политики, то под ним имеется в виду комплекс мер (методов, способов) широкого спектра воздействия, предпринимаемых одним (или группой) социальным организмом в отношении другого (группы) с целью интеграции на конкретных условиях [5, с. 21].

Учитывая обозначенную специфику современных интеграционных процессов, критерием их эффективности на постсоветском пространстве в целом и в Центрально-Азиатском регионе в частности представляется в первую очередь экономическая составляющая, основным показателем которой выступает уровень внешнеторгового оборота между государствами региона. В то же время динамику политической активности конкретного государства в отношении каких-либо других государств или их объединений можно измерить, подсчитав число контактов в разном формате между официальными представителями органов власти исследуемых стран на различных уровнях.

Следовательно, в качестве параметров интеграционной политики России в отношении Центральной Азии целесообразно принять соотношение количественных показателей в области внешнеполитических контактов между представителями разных уровней их органов власти (табл. 1–4) с данными, отражающими внешне-торговый оборот (объем экспорта и импорта во внешней торговле) РФ с пятью государствами региона. Порядок приведения наименований государств в указанных таблицах подчинен географическому принципу деления постсоветского пространства на субрегионы, когда к Центральной Азии относят Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан [9].

Динамику политической активности России в направлении государств рассматриваемого региона можно проследить, исходя из анализа показателей табл. 1–4. Интенсивность внешнеполитических контактов (встреч и телефонных разговоров) на уровне глав государств отражают табл. 1 и 2. Аналогичные данные на другом политическом уровне освещают табл. 3 и 4, в которых представлено число встреч и телефонных разговоров между представителями РФ и стран Центральной Азии по линии глав правительств, министров

иностранных дел, их заместителей, а также иных официальных представителей (контакты по линии посольств, консульских служб и профильных министерств). При этом под встречами подразумеваются личные контакты в любом формате (в рамках визита, саммита, форума, конференции, мероприятия и т.п.), а отмеченные телефонные разговоры происходили по инициативе разных сторон. Если в использованных источниках упоминания о телефонных разговорах за конкретные годы отсутствовали, то этот период исключался из таблицы.

Специфика статистического отбора данных обусловлена непоследовательностью методики комплектации использованной источниковой базы (частое отсутствие указания статуса визита, встречи или названия стороны, по инициативе которой состоялся телефонный разговор) и наличием многочисленных контактов, имеющих смешанный характер, когда в процессе визитов и встреч политических деятелей одного уровня (например, президентов) их сопровождали представители других уровней (главы правительств, министры иностранных дел и т.д.), вступая в переговоры смешанного (широкого) формата.

Исходя из этого, в целях конкретизации показателей в табл. 1 и 2 представлены только те сведения о внешнеполитических контактах по линии глав государств, которые были четко указаны в использованных источниках и свидетельствуют о состоявшихся между ними встречах, беседах (по какому-либо кругу проблем) или телефонных разговорах. В свою очередь, в табл. 3 и 4 обозначены внешнеполитические контакты как на уровне глав правительств, министров иностранных дел, их заместителей и других уровнях, так и имеющие смешанный характер.

Внешнеторговый оборот (в виде показателей объема экспорта-импорта) РФ с государствами региона (как и основными странами-партнерами) в динамике отражен в таблицах, доступных на сайте Федеральной службы государственной статистики России. Указанные таблицы демонстрируют долю того или иного государства или их группы во внешнеторговом обороте РФ за конкретный период; данные динамики экспорта и импорта между Россией и государствами — участниками СНГ, а также Прибалтики; объем экспорта-импорта РФ по основным направлениям (включая СНГ) в соотношении; динамику внешней торговли России со странами ЕвразЭС и т.д.

Отсюда следует, что параметрами интеграционной активности РФ в отношении государств Центральной Азии может служить соотношение данных динамики их внешнеполитических контактов и показателей экспорта-импорта между ними в исследуемый период. Полученные в результате этого данные следует сопоставлять с аналогичными показателями на других внешнеполитических направлениях для выявления целостной картины политико-экономической взаимозависимости государств.

Кроме того, осуществляя анализ количества внешнеполитических контактов, важно учитывать, что не все они были посвящены интеграционной проблематике, а их увеличение подчас являлось отражением возникновения каких-либо сложностей во взаимоотношениях. Например, учащение встреч и телефонных разговоров представителей Таджикистана и Киргизии с их российскими визави иногда свидетельствовало о возникновении напряженности в отношениях между ними либо стремлении РФ участвовать в урегулировании определенных конфликтных ситуаций. Случались и ситуации так называемых переговоров ради переговоров, при которых частые контакты (не всегда носившие конфликтный характер) характеризовались «бедной» повесткой дня и отсутствием конструктивных решений либо (даже с учетом наличия проработанной и содержательной повестки дня) откровенным затягиванием переговорного процесса одной или обеими сторонами.

В этой связи методика использования значений встреч и телефонных разговоров официальных представителей государств для определения параметров интеграционной активности какого-либо из них должна включать анализ количественных показателей (динамику их частоты в конкретный период) в сопоставлении с качественным и смысловым содержанием внешнеполитического контакта (кто и с кем, когда и о чем говорил).

Вместе с тем к показателям частоты встреч и телефонных разговоров необходимо относиться критически. Количество их указаний в источниках (по разным причинам), как показывает практика, не всегда соответствует действительности. Возможен вариант, когда свидетельство о каком-либо внешнеполитическом контакте появляется спустя значительное время после того, как он произошел, или не появляется вообще. Поэтому предпочтение следует отдавать данным динамики

Таблица 1

Динамика встреч представителей РФ и государств Центральной Азии на уровне глав государств

	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Туркменистан	Таджикистан
1992	9	8	7	5	7
1993	4	4	4	4	5
1994	3	3	3	2	3
1995	4	2	3	3	4
1996	3	2	3	3	2
1997	2	2	2	2	2
1998	3	3	1	1	1
1999	4	3	3	1	4
Итого за 1990-е	32	27	26	21	28
2000	10	4	8	4	10
2001	8	6	8	4	8
2002	8	4	10	5	6
2003	9	4	7	2	6
2004	8	7	5	1	6
2005	13	6	8	2	9
2006	10	5	6	1	5
2007	11	5	5	6	5
2008	10	7	8	4	8
2009	14	7	11	6	15
Итого за 2000-е	101	55	76	35	78
Всего	133	82	102	56	106

Источник: [5, с. 178].

Таблица 2

Динамика телефонных разговоров представителей РФ и государств Центральной Азии на уровне глав государств

	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Туркменистан	Таджикистан
1993	–	–	–	–	–
1994	–	–	–	–	–
1998	–	–	–	–	–
1999	2	–	–	–	–
Итого за 1990-е	2	–	–	–	–
2000	1	–	3	2	–
2001	9	–	3	5	–
2002	8	2	2	4	–
2003	7	2	1	2	–
2004	7	4	3	3	–
2005	5	3	1	6	1
2006	3	1	2	3	1
2007	5	3	7	4	3
2008	7	2	3	3	1
2009	6	1	1	4	2
Итого за 2000-е	58	30	26	36	23
Всего	60	30	26	36	23

Источник: [5, с. 179].

Таблица 3

Динамика встреч представителей РФ и государств Центральной Азии на других уровнях

	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Туркменистан	Таджикистан
1992	12	8	9	9	8
1993	7	10	10	9	12
1994	15	12	10	9	16
1995	17	16	16	15	19
1996	13	13	13	11	18
1997	15	13	13	11	15
1998	6	5	4	6	6
1999	21	10	20	12	19
Итого за 1990-е	106	87	95	82	113
2000	28	15	20	10	19
2001	33	9	33	6	26
2002	44	11	41	9	31
2003	27	11	26	9	26
2004	44	10	31	10	29
2005	22	18	21	8	18
2006	21	17	17	8	15
2007	24	14	16	8	13
2008	30	21	16	9	14
2009	33	25	19	13	16
Итого за 2000-е	306	151	240	90	207
Всего	412	238	335	172	320

Источник: [5, с. 180].

Таблица 4

Динамика телефонных разговоров представителей РФ и государств Центральной Азии на других уровнях

	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Туркменистан	Таджикистан
1992	–	–	–	–	–
1994	–	–	–	–	–
Итого за 1990-е	–	–	–	–	–
2001	–	1	–	–	–
2002	–	–	–	–	–
2003	–	–	–	–	–
2004	1	3	–	1	–
2005	–	–	2	1	–
2006	–	–	–	1	–
2007	–	1	1	1	–
2008	3	1	–	1	–
2009	2	3	1	1	–
Итого за 2000-е	6	9	4	6	–
Всего	6	9	4	6	–

Источник: [5, с. 181].

внешнеторгового оборота, которые характеризуют практическую сторону взаимодействия конкретных государств — степень экономической взаимозависимости.

Таким образом, на основе авторской методики определения параметров интеграционной активности РФ было установлено, что в первой половине 1990-х гг. (при средней частоте внешнеполитических контактов и уровне товарооборота) механизмами российской интеграционной политики являлись двухсторонние и многосторонние переговоры со странами Центрально-Азиатского региона. С середины и до конца десятилетия (в условиях снижения частоты контактов и уровня товарооборота) РФ реализовывала формулу «региональные союзы плюс двусторонние связи».

К концу 1990-х гг. происходит снижение влияния России и кризис ее интеграционной политики на постсоветском пространстве. С началом 2000-х гг. (при увеличении частоты внешнеполитических контактов и товарооборота) интеграционная политика РФ в отношении государств Центральной Азии характеризовалась приоритетом двухсторонних связей и экономическим прагматизмом. Цветные революции 2003–2005 гг. (с учетом изменения частоты контактов, тональности переговоров и товарооборота с некоторыми государствами региона) способствовали утверждению курса России на внутреннюю модернизацию и защиту своих интересов на постсоветском пространстве в целом и в Центрально-Азиатском регионе в частности.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Звягельская И.Д. Ключи от счастья, или Большая Центральная Азия // Россия в глобальной политике. 2005. № 4. С. 88–92.
Zvjagel'skaja I.D. Keys from happiness, or a Greater Central Asia [Kljuchi ot schast'ja, ili Bol'shaja Central'naja Azija]. *Rossija v global'noj politike — Russia in Global Affairs*, 2005, no. 4, pp. 88–92 (in Russian).
2. Wishnick E. Russia, China, and the United States in Central Asia: Prospects for Great Power Competition and Cooperation in the Shadow of the Georgian Crisis. Carlisle Barracks: SSI, US Army War College, 2009. 72 p.
3. Крыжко Е.В. Приоритетные направления внешнеполитического курса Пакистана в отношении государств Центральной Азии в 1999–2008 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (66), Ч. 2. С. 86–89 (in Russian).
Kryzhko E.V. Priority directions of foreign policy course of Pakistan towards Central Asian states in 1999–2008 [Prioritetnye napravlenija vneshnepoliticheskogo kursa Pakistana v otnoshenii gosudarstv Central'noj Azii v 1999–2008 gg.]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2016, no. 4 (66), part 2, pp. 86–89 (in Russian).
4. Пашковский П.И. Интеграционная активность России: проблема периодизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60), Ч. 3. С. 149–152.
Pashkovsky P.I. Integracionnaja aktivnost' Rossii: problemy periodizacii [Russia's integration activity: problem of periodization]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2015, no. 10 (60), part 3, pp. 149–152 (in Russian).
5. Пашковский П.И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.). Киев: Интерсервис, 2012. 189 с.
Pashkovsky P.I. The integration policy of Russia in the post-Soviet space (1991–2011) [Integratsionnaya politika Rossii na postsovetском prostranstve (1991–2011 gg.)]. Kiev, Interservis Publ, 2012, 189 p. (in Russian).
6. Bremmer I., Bailes A. Sub-regionalism in the Newly Independent States // *International Affairs*. January, 1998, vol. 74, no. 1, pp. 131–147.
7. Frazer C. The Future of Europe. Integration and Enlargement. London: Rutledge, 2005. 170 p.
8. Толстов С.В. Двосторонні та багатосторонні союзи в практиці міждержавних відносин // *Дослідження світової політики*. 2008. Вип. 44. С. 32–66.
9. Дергачев В.А. Геополитический словарь-справочник. Киев: КНТ, 2009. 592 с.
Dergachjov V.A. Geopolitical Dictionary-Directory [Geopoliticheskij slovar'-spravochnik]. Kiev, KNT, 2009, 592 p. (in Russian).